

УДК 81-13

ТЕОРИЯ ДЕРИВАЦИИ (к 85-летию профессора Л. Н. Мурзина)¹

Лариса Михайловна Алексеева

д. филол. н., профессор кафедры лингводидактики

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. alm@psu.ru

Светлана Леонидовна Мишланова

д. филол. н., зав. кафедрой лингводидактики

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. mishlanovas@mail.ru

В статье освещаются основные положения теории деривации, разработанной профессором Пермского государственного университета Л. Н. Мурзиным (1930–1996). Теория деривации (или дериватология) зародилась в рамках пермской лингвистической школы в 70-х гг. XX в. и нацелена на изучение языка в динамическом аспекте. Основные проблемы, решаемые теорией деривации, связаны с природой языка и речевой деятельностью. Главным понятием теории является деривация, соотносимая с мысле-речевым действием, состоящим в порождении новых коммуникативно значимых единиц. В статье описываются условия зарождения теории деривации, раскрываются основные положения и этапы ее развития. Данная теория помогает постичь механизмы порождения языковых единиц в процессе речевой деятельности. В ней объединяются два принципиально разных направления изучения языка – статическое и динамическое.

Ключевые слова: дериватология; деривация; механизм производства языковых единиц; динамика; коммуникация; виды деривации; текстообразование.

В 70-е гг. XX в. в языкознании проявляется необычайный интерес к функциональной стороне языка. В центр внимания попадают проблемы порождения коммуникативно значимых языковых единиц [Адливанкин, Мурзин 1984: 3]. Именно в этот период в рамках пермской лингвистической школы формируется теория, во многом по-новому объясняющая производство речевых единиц. Эта теория была названа деривационной. Основателем нового направления явился известный ученый-лингвист, профессор Пермского государственного университета Леонид Николаевич Мурзин (1930–1996).

О вкладе Л.Н. Мурзина в теорию лингвистики можно судить уже по тому, что он был единственным исследователем пермской лингвистической школы, которому было предложено написать статью в Лингвистический энциклопедический словарь [Мурзин 1990: 405–406]. О результатах его научного творчества упомянуто в академическом словаре [ЛЭС 1990: 130, 451, 472,

674]. Как писала Е. С. Кубрякова, широкая известность работ Л. Н. Мурзина «уже стала фактом истории отечественной лингвистики» [Кубрякова 1998: 45]. Будучи одним из лидеров когнитивного направления в лингвистике, она впервые отметила связь деривационной теории Л. Н. Мурзина с когнитивистикой [там же: 46].

В данной статье мы охарактеризуем основные положения теории деривации и проанализируем главные научные идеи, выдвинутые в трудах профессора Л. Н. Мурзина.

В рамках дериватологии понятие деривации понимается как «мысле-речевое (мыслевнутреннеречевое) действие, состоящее в порождении и преобразовании предикативных (коммуникативных и номинативных) единиц, и производство на их синтактико-семантической основе из языковых строевых материалов по языковым моделям до известной степени аутентичных конструкций натуральной речи» [Адливанкин, Мурзин 1984: 10]. Данное определение

включает понятия процессуальности создания языковых единиц, изоморфизма деривационных процессов, текстового характера порождаемых единиц, а также ментального характера их производства.

Деривация вошла в лингвистику, образно говоря, через «парадное крыльцо». О ней сразу заговорили в лингвистических кругах. Термин «деривация» становится все более употребительным в научных исследованиях. Вскрываются все новые и новые аспекты деривации, делаются попытки провести границы между различными видами деривации: лексической, синтаксической, семантической, морфологической, формальной [Мурзин 1989].

Очевидно, что лингвистика 70-х гг. XX в. была готова к появлению обобщающей теории, какой и оказалась теория деривации. Хотя исторические корни дериватологии можно усматривать еще в линии Декарта, который полагал, что употребление языка всегда инновационно, т.е. ничем не ограничено. В обычной речи человек не просто повторяет то, что он уже слышал, но производит новые языковые формы – новые для его речевого опыта, и даже для языка в целом.

Как указывал Л. Н. Мурзин, данное направление лингвистики нельзя считать собственно отечественным. Ее начало он усматривал в трансформационной грамматике Н. Хомского, когнитивной и дискурсивной теориях текста. Л. Н. Мурзин опирался на лингвистические воззрения В. фон Гумбольдта (единство *эргон* и *энергии*), психологические представления о языке А. А. Потемби, понятие синхронной динамики языка (казанская лингвистическая школа), а также использовал некоторые положения трансформационной грамматики Н. Хомского, связанной с изучением **коммуникативно значимых единиц** [Гумбольдт 1984; Мурзин 1984; Потемба 1999]. В дериватологии взгляды на язык оказались ориентированными на человека и его потребности в речепорождении. В этом смысле проблема «**язык человека**», решаемая в трансформационной грамматике, была переосмыслена в дериватологии как «**человек в языке**».

В основе деривационной концепции Л. Н. Мурзина лежал главный принцип: осмысление дихотомии статики/динамики. Это была самая существенная черта разрабатываемой им динамической теории языка. Впервые принцип динамизма был раскрыт в работе «Синтаксическая деривация» (1974). Форму законченной концепции данный принцип получил в работах «Основы дериватологии» (1984) и «Текст и его восприятие» (1991), в которых Л. Н. Мурзин сформулировал основы нового в лингвистике того времени направления.

Считаем, что дериватология произвела коренные изменения в отечественной лингвистике. В Перми за период 1974–1991 гг. по проблемам деривации было выпущено 19 сборников, проведено 4 Всесоюзных научных конференции («Проблемы дериватологии», «Деривация и история языка», «Деривация в речевой деятельности», «Принцип деривации в истории языкознания и современной лингвистике»), защищено 18 кандидатских и докторских диссертаций пермскими лингвистами.

В Пермском государственном университете в 70-е гг. XX в. создалась творческая атмосфера, которая способствовала формированию нового лингвистического направления – динамической лингвистики. В этот период публикуются научные труды С. Ю. Адливанкина по словообразованию, в которых он утверждает, что словообразование не может быть отнесено к какому бы то ни было уровню языка, поскольку части, уровни, стратумы не могут вместить что бы то ни было по природе своей процессуальное [Адливанкин 1980: 22–23]. В это же время получает известность теория коммуникативной номинации Л. В. Сахарного [Сахарный 1979].

Проблемы дериватологии привлекали внимание Г. В. Колшанского (1975), интересующегося принципами лингвистического анализа языка. Г. В. Колшанский понимал язык как динамическую систему, в которой каждое речевое произведение является отдельным проявлением функционирования языка. Любое речевое произведение, по его мнению, отражает познавательное содержание человеческого мышления. Формулируя цель лингвистического анализа, он акцентировал важность теоретического воссоздания механизма речепроизводства в связи со всей совокупностью выражения мыслительных процессов.

К этому же направлению можно отнести работу Г. Г. Почепцова «Конструктивный анализ структуры предложения» (1971), в которой он утверждал, что понятия ядерности/неядерности предложения не зависят от процедуры его описания, ядро не зависит от контекста, каждое предложение обязательно имеет ядерные компоненты.

Работу И. А. Мельчука «Строение языковых знаков и возможные формально-смысловые отношения между ними» (1968) также можно считать родственной дериватологическому направлению. Исследователь анализировал понятие большей/меньшей сложности языковых знаков. Большая формальная сложность знака А выражается либо в добавочном элементе, либо в добавочной операции. Большая смысловая сложность знака А выражается в том, что в его определение приходится включать знак В.

В. С. Юрченко в работе «Простое предложение в современном русском языке» (1972) рассматривал систему простейших предложений в русском языке с позиции деривационного синтаксиса. По его мнению, ядерные предложения не изолированы друг от друга. Как полагал Л. Н. Мурзин, «их роль в динамических процессах не сводится к роли базы «распространения» отдельных предложений» [Мурзин 1974: 11]. Ядерные предложения образуют единство относительно независимого ядерного уровня языка. Главным выводом явилось то, что деривационные отношения функционально связывают все компоненты синтаксической системы языка. Данные работы, как считал Л. Н. Мурзин, «подтверждают жизнеспособность трансформационной теории при изучении динамического аспекта языка [там же].

В основу концепции динамики языка легло понятие полевого строения языка, предполагающего взаимодействие центральных и периферийных единиц поля. Важным положением данной концепции являлось суждение о периферийных элементах поля как о сложных производных единицах, раскрывающих творческий потенциал языка [см. работы Л. Н. Мурзина: «Образование метафор и метонимий как результат деривации предложения (к постановке вопроса)» (1972), «О лингвистической природе иронии» (1979), «Основы дериватологии» (1984)]. Л. Н. Мурзин полагал, что единицы центра языка обозначают внеязыковые сущности в ходе номинации. Периферийные единицы призваны сопровождать номинацию. С помощью единиц центра языка выражается мысль как таковая, периферийные единицы выражают оценку того, о чем сообщается [Береснева, Мишланова, Постникова 1998: 16–17].

Понятие полевого строения языка легло в основу модели риторического поля, а языковой механизм порождения периферийных (более сложных) единиц получил название деривационного. С помощью этого механизма ядерные элементы поля трактуются как воспроизводимые, имплицитивные, структурно простые. Периферийные же элементы понимаются как экспликативные, структурно более сложные, производимые единицы. Деривационный механизм порождения единиц помогает раскрыть творческий потенциал языка [Мишланова 1998: 78]. В дериватологии наиболее исследованы такие конкретные единицы риторического поля, как термин и метафора.

Теория деривации явилась попыткой по-новому осмыслить классическое противопоставление статики и динамики в языке. Глубина и широта взглядов Л. Н. Мурзина позволила ему соединить два принципиально разных направле-

ния в лингвистике – статическое и динамическое по принципу дополнительности. Характеризуя предмет дериватологии, Л. Н. Мурзин подчеркивал его диалектическую природу: «Если язык есть система коммуникативных знаков и правил их использования, с одной стороны, и функционирование этой системы в форме создания разного рода коммуникативно значащих единиц – с другой, то языкознание как наука должна сочетать в себе два направления – системологическое и дериватологическое» [Аддиванкин, Мурзин 1984: 4]. При этом языковая система порождается в процессе речевого творчества, запечатлевает в себе не только результаты, но и характер предшествовавших актов деривации. Поэтому системология и дериватология взаимодействуют и сочетаются в рамках науки о языке [там же].

Деривация, как она представлялась Л. Н. Мурзиным, не делает различия между языком и речью на том основании, что речь – это жизнь языка [Мурзин, Штерн 1991: 10]. Жизнь языка протекает по законам свободы от норм, т.е. на уровне речи язык получает большую степень свободы [Мурзин 1997: 132]. Это значит, что лексическая единица «способна облекаться в любую грамматическую одежду, а грамматика, образно говоря, – одежда безразмерная» [Мурзин 1993: 10]. В этом смысле любая внеязыковая категория может быть представлена с помощью любой из имеющихся в языке маски [там же: 7]. Поскольку единицы языка реально функционируют в речи, они подвергаются изменениям, преобразуются, переходят друг в друга, т.е. подвергаются транспозиции, это в определенном смысле стирает между ними грани в аспекте функционирования. Это позволяет сделать вывод об универсальном характере деривации, с одной стороны, поскольку она выходит за пределы одного уровня языка и становится межуровневой категорией. С другой стороны, она уравнивает в функциональном смысле языковые единицы различных уровней: фонему, морфему, лексему и т.д.

Не изменяя своим основным положениям, теория деривации прошла несколько этапов развития: 1) период становления (на материале словообразования, а также лексической и синтаксической деривации); 2) период верификации (на материале лексики: деривация метафоры, деривация термина; фонетики: ритм, повтор как деривационные процессы); 3) период методологического строительства (методологические обоснования природы диалога и сбоев в текстопорождении) [Алексеева 2006].

Основные положения теории деривации касаются разграничения статики и динамики в синхронии языка. Традиционно в лингвистике

рассматривались два направления в изучении языка: диахронное и синхронное. В диахронном аспекте язык наделялся такими свойствами, как динамика и развитие. В синхронии язык характеризовался другими параметрами: системностью и отсутствием фактора времени [Мурзин 1987: 4]. В рамках структурализма главной целью было изучение статического аспекта синхронии, обусловленное понятием языка как замкнутой, имманентной системы знаков. Дериватология, изучающая процессы порождения языковых единиц, «тяготеет» к синхронии, поскольку объектом исследования оказывается производство в текстах новых единиц языка [там же: 9]. Рассматривая язык как деятельность, предполагающую создание продукта деятельности, Л. Н. Мурзин усматривает в нем две стороны: статику и динамику. Статика констатирует факты и фиксирует отношения между единицами языка; динамика же связана с развитием языка. «Коммуникативные акты имеют непосредственным результатом создание речевых единиц (таксонов, номинативных словосочетаний, лексических дериватов), но опосредованно приводят и к обогащению языковой системы за счет включения ею некоторой части речевых построений, а также оформившихся в этом процессе новых строевых единиц «второго порядка» и т.д. Следовательно, в рамках синхронии происходит двойное «движение» языка: в направлении использования знаков, фиксирующих человеческое знание, для воплощения (и сообщения) нового знания (это можно поставить в соответствие с диалектикой преодоления противоречия между «мыслью передней» и «мыслью задней» А. А. Потебни) и в направлении изменения и пополнения самой языковой системы (системы языка) [Адливанкин, Мурзин 1984: 5–6]. Соотношение статики и динамики Л. Н. Мурзин характеризовал как диалектическое, т.е. данные свойства языка считались «взаимопредполагаемыми», однако ведущим компонентом в этой дихотомии он полагал динамику [Мурзин 1982: 21]. Л. Н. Мурзин рассматривал разные смыслы статики. Понятие статики, описываемое Ф. де Соссюром, предполагает отношения противопоставления между единицами языка. Статика, соотносимая с динамикой языка, связана с правилами образования единиц текста. В этом смысле понятие статики становится более содержательным, поскольку дополняется отношениями производности. Именно в этом смысле данное понятие использовалось в дериватологии. Совокупность этих двух сторон языка составляет то, что называется синхронией языка.

Таким образом, главным понятием в дериватологии становится динамика языка. Помимо

таксономических отношений в языке наблюдаются отношения принципиально иного рода – отношения **производности** (или **деривационные** отношения). Они образуют систему, которую называют динамической системой языка. Л. Н. Мурзин считал, что понятие языковой динамики более сложное, чем понятие статики, поскольку оно предполагает развитие и функционирование языка.

Пути исследования динамического аспекта синхронии языка различны. Л. Н. Мурзин останавливается на характеристике двух основных направлений: трансформационной грамматики (ТГ) и психолингвистики. Так сложилось в пермской лингвистической школе, что первым направлением увлекся Л. Н. Мурзин, а вторым – Л. В. Сахарный. Как оценивал Л. Н. Мурзин трансформационную грамматику (ТГ) Н. Хомского? Он во многом разделял оценку С. Д. Кацнельсона, выраженную в том, что ТГ раскрыла динамику синтаксических структур и показала роль процессов деривации в формировании предложений. Однако, по мнению Л. Н. Мурзина, при всех достоинствах ТГ имеет много «уязвимых мест»: а) ТГ ограничена изучением изолированного предложения, вырванного из контекста (разработан парадигматический аспект, но нетронутой оказалась синтагматика); б) ТГ характеризуется неразработанностью семантического компонента; в) в данной теории отсутствует должная характеристика ядра языка [Мурзин 1974: 9].

В дериватологии различаются два уровня деривационного процесса, глубокий и поверхностный, имеющие разную природу. Одной из задач дериватологии является исследование внутренних причин деривационных процессов. Как считал Л. Н. Мурзин, постижение сути процесса порождения текста как основы деривации «предполагает исследование не только механизмов текстообразования, но и тех внутренних сил, которые приводят их в движение. Текстообразование мы будем понимать как развитие текста, тогда, отвлекаясь от внешних причин образования текста, мы должны будем отыскать внутренние движущие силы текстообразования – противоречия в самих текстообразующих механизмах» [Мурзин 1982: 22]. Основные выводы при решении данной задачи способствовали уточнению понятия деривации как мысле-речевого действия [Адливанкин, Мурзин 1984: 10].

Общий путь познания деривационных процессов – гипотетико-дедуктивный, предполагающий построение модели деривации. Описание явлений процессуального характера требуют применения процессуальных (динамических) единиц анализа. В отличие от статической еди-

ницы динамическая единица характеризуется временным параметром и соответствует определенному отрезку порождающего процесса, заключенному между начальной и конечной единицей. В теории словообразования подобная единица, используемая при описании создания нового слова, получила название деривационного шага. Л. Н. Мурзин применил данный термин в исследовании любых единиц языка. Деривационный шаг включает в себя отдельные операции (замещение, элиминация, инверсия и др.) [Мурзин 1984: 19–20].

Исходной единицей анализа в деривационной теории стало предложение. На уровне функционирования предложения в тексте выявляется механизм синтаксической деривации. Л. Н. Мурзин подчеркивает двойственную природу предложения: с одной стороны, оно обращено к внеязыковой действительности, поскольку в нем фиксируется ситуация, которая приводит в движение деривационный механизм языка. С другой стороны, предложение соотносится с системой знаков, откуда оно черпает средства для описания внеязыковой ситуации. Двойственная природа не отрицает, а как раз подчеркивает единство сторон предложения. Будучи двойственным по природе, предложение и структурно неоднородно: в нем выявляются коммуникативная и сигнификативная структуры [Мурзин 1974: 16]. В деривации исследуются сигнификативные структуры, устанавливающие отношения между знаками, образующими предложение.

Связь предложений воплощается в тексте. Как подчеркивал Л. Н. Мурзин, именно текст составляет основной материал дериватологических исследований [Мурзин 1984: 19]. В процессе порождения текста чисто формальным преобразованиям подвергаются тематические компоненты, а то, в каком направлении будут происходить такие преобразования, т.е. каковы синтаксические правила, которым они подчиняются, определяется формой задаваемой ремы. В дериватологии текст рассматривается в динамическом аспекте, т.е. в аспекте его порождения [Мурзин 1982]. Это предопределяет особенности методики деривационного анализа. Фактически имея дело с фиксированным текстом, дериватология стремилась обнаружить в нем «следы» его порождения, т.е. языковые метки, на основе которых можно воссоздать процесс их порождения. Гипотезы, выстроенные на основе анализа текста, получили название моделей деривации [Мурзин 1984: 19]. В традиционной методике моделирования использовались родственные понятия: венатический принцип (У. Моррис), ментальная схема (Дж. Лакофф), реставрация смысловых вех (А. И. Новиков) и др. Однако данные

понятия позволяли выявлять лишь формальные, зафиксированные фрагменты текста, либо средства формализации семантики, характеризующие статическое состояние текста. Деривационная методика анализа текста ставит целью воссоздать процесс порождения текста.

Методика деривационного анализа предусматривает следующие этапы: а) предварительный анализ текста, б) построение деривационной модели, в) проверка адекватности построенной модели [там же]. Типы доказательства могут быть разные: а) логический (доказательство непротиворечивости), б) фактический (доказательство соответствия фактам, подстановка вместо абстрактных символов конкретных), в) экспериментальный (проведение психолингвистического или иного вида эксперимента с целью проверки соответствия гипотетической модели языковому сознанию отдельного носителя языка) [там же: 21]. Большим успехом дериватологии является открытие законов текстопорождения: инкорпорирования, контаминации и компрессии [Мурзин 1984; Мурзин, Штерн 1991].

Развитие теории деривации идет от синтаксиса к семантике и далее к тексту. Л. Н. Мурзин придерживался мнения, что успешное развитие семантики предполагает относительно развитую синтактику. Данное предположение подтвердилось в ходе разработки понятия продленной семы [Мурзин 1974: 18–27]. Семы, выполняющие синтагматические функции, способствующие осуществлению связности компонентов предложения, Л. Н. Мурзин назвал продленными, имея в виду целостность и единство текста. Он считал, что «понятие продленной семы, призванное уточнить такие весьма неопределенные понятия, как «законченная мысль», «единство содержания» предложения и т.п., служит довольно тонким и мощным инструментом исследования, позволяющим проникнуть в тайны внутренней организации предложения. Есть основания полагать, что продленные семы носят универсальный характер и что законы построения предложений являются общими для всех языков» [там же: 21]. Функция продленных сем заключается в том, что они определенным образом обеспечивают иерархичность структуры предложения. В результате этого одни из компонентов предложения семантически дополняются или уточняются другими [там же: 25]. С этой точки зрения, продленные семы способствуют инкорпорации предложений, т.е. включению одного компонента в другой в процессе текстопорождения. Таким образом, связь синтаксического и семантического аспектов в рамках дериватологии предопределила понятие текста, сущность которого не сводится к простым «механизмам сцепления», соответству-

ющие лишь внешним способом выражения глубинных процессов текстообразования. «Эти процессы непосредственно связаны с коммуникативной функцией текста, с заключенной в нем информацией» [там же: 39]. Таким образом, Л. Н. Мурзин рассматривает связный текст как динамическую структуру. Главенствующая роль в обеспечении связности текста принадлежит тематическим знакам.

Лингвистические исследования Л. Н. Мурзина характеризуются чертами, придающими его сочинениям особый характер. В его трудах раскрывается диалектика выдвигаемых идей, предполагающая одновременную опору на противоположные суждения в отношении языка: статику / динамику, производство / воспроизводство, ядерность / периферийность и др. Исследования Л. Н. Мурзина отличаются инновационностью, т.е. принципиально новыми суждениями. Так, он достраивает известную теорию уровней языка Э. Бенвениста более высоким уровнем – текстовым. По его мнению, текст, составляющий отдельный уровень, располагается над уровнем предложения [Мурзин, Штерн 1991: 8–9]. Таким образом, относя текст к единицам наивысшего уровня, Л. Н. Мурзин пытается изучить природу высших уровней языка, в число которых он включает культуру и социум [там же: 10]. Дериватологическим исследованиям свойственна комплексность, предполагающая определенное единство обоснования собственно деривационных процессов. Создание коммуникативно значимых единиц опирается на мысле-речевую деятельность, осуществляемую в процессе внутренней речи, которую Л. Н. Мурзин называет когнитивной [Мурзин, Адливанкин 1984: 8]. Внутренняя речь соотносится с внешней речью, получившей название коммуникативной. Данное соотношение изучается с помощью реставрации логики выявленных деривационных процессов на основе гипотетической модели [там же]. Единая природа деривационных процессов обуславливает изоморфность результатов изучения деривационных процессов [там же: 10]. В дериватологии интегрировано несколько направлений изучения языка: **лингвистическое** (под деривацией понимается процесс образования производных единиц языка [Мурзин 1984: 9], **когнитивное** («Язык в непосредственном наблюдении есть непрерывный процесс, постоянная деятельность общения, выражения и оформления мысли в языковых (материальных) формах» [там же]) и **психологическое** («Деривация как процесс образования языковых единиц ненаблюдаема. Она протекает в сознании говорящих, и о том, как протекает деривация, можно судить лишь по некоторым ее результатам, по косвен-

ным данным, по каким-то внешним следам, оставленным в тексте» [там же: 11]).

Теория деривации получила дальнейшее развитие в теории метафоры, разрабатываемой в рамках пермской научной школы [Л. М. Алексеева, М. Н. Литвинова, С. Л. Мишланова, С. В. Полякова, Е. В. Ковязина, Н. П. Ивинских, Т. Н. Зубакина, Т. И. Уткина и др.], теории термина [Л. Л. Алексеева, С. Л. Мишланова, М. А. Хрусталева, А. А. Филиппова, А. М. Гуреева, М. Г. Заседателева, О. Б. Бурдина и др.], теории текста [Л. Л. Алексеева, С. Л. Мишланова, Н. В. Шутёмова, Т. В. Гуляева, Н. Н. Меньшакова], теории перевода [Л. М. Алексеева, Н. М. Нестерова, Л. В. Кушникова] и теории профессиональной коммуникации [С. Л. Мишланова, Е. В. Исаева, Н. П. Тарасова, С. В. Стругова, Т. М. Пермякова и др.].

Среди этих теорий наиболее заметной является теория метафоры. Примечательно, что при разработке данной теории используется комплекс понятий, таких как семантическая деривация, процессуальная сущность явлений, моделирование, текстовая обусловленность метафоры. Теория метафоры разрабатывается в исследованиях пермских лингвистов уже в течение четырех десятилетий. Начало исследованию метафоры положила работа Л. Н. Мурзина «Синтаксическая деривация» (1974). Особенностью концепции метафоры, разрабатываемой в пермской лингвистической школе, явилось то, что исследование метафоры не ограничивалось рамками слова: метафору понимали как явление, опосредованное многими факторами, текстом, профессиональной речью, дискурсом.

Выводы. Л. Н. Мурзин умел предвидеть. Его теория деривации оказалась перспективной и плодотворной для многих наук [Алексеева 2010, Мишланова 1998 и др.]. Деривационная теория до сих пор является востребованным лингвистическим направлением, поскольку вполне отвечает, по Е. С. Кубряковой, современным принципам развития лингвистики: антропологизму, экспланаторности, экспансионизму, неофункционализму. Исследуя природу языка и речевой деятельности, она во многом объясняет языковые процессы. Теория деривации способствовала постановке ряда теоретических проблем, решение которых в рамках таксономической лингвистики было невозможным. Она послужила стимулом к созданию новых лингвистических направлений, в центре которых стоит человек, – лингвокогнитологии, текстологии, тропологии и других наук.

Примечание

¹ Исследование выполнялось при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного

фонда (проекты РГНФ-цр № 14-13-59007, РГНФ-цр №14-16-59007) и основной части госзадания, проект № 303.

Список литературы

Адливанкин С.Ю. О типологическом статусе словообразования // Семантические аспекты слова и предложения (проблемы деривации): межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т. Пермь, 1980. С. 19–29.

Адливанкин С.Ю., Мурзин Л.Н. О предмете и задачах дериватологии // Деривация и текст: межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т. Пермь, 1984. С. 3–12.

Алексеева Л.М. Теоретическое наследие Л. Н. Мурзина // Актуальные проблемы современной лингвистики: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. «Иностранные языки и литература в системе регионального высшего образования и науки» (12 апреля 2006 г.), посвящ. 90-летию Перм. гос. ун-та. Пермь: Перм. ун-т, 2006. С. 8–18.

Алексеева Л.М. Цельность текста в трактовке Л. Н. Мурзина и проблемы научного перевода // Вестник Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 3 (9). С. 128–132.

Береснева Н.И., Мишланова С.Л., Постникова О.В. На семинарах профессора Мурзина // Фатическое поле языка (памяти профессора Л. Н. Мурзина): межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т. Пермь, 1998. С. 15–18.

Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 400с.

Колианский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 1975. 230 с.

Кубрякова Е.С. Когнитивные аспекты процессов деривации // Фатическое поле языка (памяти профессора Л. Н. Мурзина): межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т. Пермь, 1998. С. 45–51.

Мельчук И.А. Строение языковых знаков и возможные формально-смысловые отношения между ними // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. 1968. Вып 5. С. 426–438.

Мишланова С.Л. Метафора в поле термина (на материале медицинских текстов) // Фатическое поле языка (памяти профессора Л. Н. Мурзина): межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т. Пермь, 1998. С. 76–83.

Мурзин Л.Н. Образование метафор и метонимий как результат деривации предложений // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии: межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т. Пермь, 1972. С. 362–366.

Мурзин Л.Н. Синтаксическая деривация. Анализ производных предложений русского языка:

пособие по спецкурсу. Пермь: Перм. ун-т, 1974. 128 с.

Мурзин Л.Н. О деривационных механизмах текстообразования // Теоретические аспекты деривации: межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т. Пермь, 1982. С. 20–29.

Мурзин Л.Н. Основы дериватологии. Пермь: Перм. ун-т, 1984. 56 с.

Мурзин Л.Н. Деривация в синхронном и диахронном аспектах // Деривация и история языка: межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т. Пермь, 1987. С. 4–10.

Мурзин Л.Н. Норма, речевой прием и ошибка с динамической точки зрения: Речевые приемы и ошибки: типология, деривация и функционирование: сб. науч. тр. Пермь: Перм. ун-т, 1989. С. 5–13.

Мурзин Л.Н. Психологическое направление // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. С. 405–406.

Мурзин Л.Н. Глагол и его маски // Вариативные отношения в языке и тексте: сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1993. С. 4–10.

Мурзин Л.Н. О степенях свободы языка // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. Памяти Э.В. Кузнецовой. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1997. С. 127–133.

Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1991. 172 с.

Потебня А.А. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. 300 с.

Почепцов Г.Г. Конструктивный анализ структуры предложения. Киев: Вища школа, 1971. 191 с.

Сахарный Л.В. Коммуникативная номинация: оформление, осознание, типология // Семантика и производство лингвистических единиц: сб. науч. тр./ Перм. ун-т. Пермь, 1979. С. 12–36.

Юрченко В.С. Простое предложение в современном русском языке: Двусоставное именное, односоставное глагольное, односоставное именное / Саратов. гос. ун-т. Саратов, 1972. 275 с.

References

Adlivankin S.Ju. O typologicheskom statuse slovoobrazovanija [On typological status of word formation]. Semanticheskie aspekty slova i predlozhenija (problemy derivatsii) [Semantic aspects of word and sentence (Issues of derivation)]. Perm: Perm Univ. Publ., 1980. P. 19–29.

Adlivankin S.Ju., Murzin L.N. O predmete i zadachakh derivatologii [On the subject and tasks of derivatology]. Derivatsija i tekst [Derivation and text]. Perm: Perm Univ. Publ., 1984. P. 3–12.

Alekseeva L.M. Teoreticheskoe nasledie L. N. Murzina [Theoretical heritage of L. N. Murzin]. Aktual'nye problemy sovremennoj

lingvistiki: materialy nauch.-prakt. konf. "Inostrannye jazyki i literatura v sisteme regional'nogo vysshego obrazovanija" (12 aprlja 2006), posv. 90-letiju Perm. gosud. un-ta [Essential issues of modern linguistics in the system of regional higher education: Proc. of sci. conf. "Foreign Languages and Literature in the System of Higher Education (April 12, 2006), ded. to the 90th Anniv. of Perm State Univ.]. Perm: Perm Univ. Publ., 2006. P. 8–18.

Alekseeva L.M. Tsel'nost' teksta v traktovke L. N. Murzina i problemy perevoda [The integrity of text from L. N. Murzin's point of view and issues of scientific translation]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2010. Iss. 3(9). P. 128–132.

Beresneva N.I., Mishlanova S.L., Postnikova O.B. Na seminarakh professora Murzina [At seminars of Professor Murzin]. Fatcheskoe pole jazyka (pamjati professora L. N. Murzina [The phatic field of language (in memoriam of Professor L. N. Murzin)]. Perm: Perm Univ. Publ., 1998. P. 15–18.

Humboldt, W. von Izbrannye trudy po jazykoznaniju [Selected works on linguistics]. Moscow: Progress Publ., 1984. 400 p.

Kolshanskij G.V. Sootnoshenie subjektivnykh i objektivnykh faktorov v jazyke [Correlation of subjective and objective factors in language]. Moscow: Nauka Publ., 1975. 230 p.

Kubryakova E. S. Kognitivnye aspekty protsessov derivatsii [Cognitive aspects of derivational processes]. Fatcheskoe pole jazyka (pamjati professora L. N. Murzina [The phatic field of language (in memoriam of Professor L. N. Murzin)]. Perm, Perm Univ. Publ., 1998. P. 45–51.

Mel'chuk I.A. Stroenie jazykovykh znakov i vozmozhnye formal'no-smyslovye otnoshenija mezhdum nimi [The structure of linguistic signs and possible formal and semantic relations between them]. Proc. of the Academy of Sciences of USSR. Literature and language. 1968. Iss. 5. Moscow: Academy of Sciences of USSR Publ. P. 426–438.

Mishlanova S.L. Metafora v pole termina (na materiale meditsinskikh tekstov) [Metaphor in the field of term (on the material of medical texts)]. Fatcheskoe pole jazyka (pamjati professora L. N. Murzina [The phatic field of language (in memoriam of Professor L. N. Murzin)]. Perm: Perm Univ. Publ., 1998. P. 76–83.

Murzin L.N. Sintaksicheskaja derivatsija. Analiz proizvodnykh predlozhenij russkogo jazyka [Syntactical derivation. The analysis of compound sentences in the Russian language]. Perm: Perm Univ. Publ., 1974. 128 p.

Murzin L.N. Obrazovanie metaphor i metonimii kak rezultat derivatsii predlozhenij [Formation of metaphor and metonymy as a result of sentence derivation]. Aktual'nye problemy leksikologii i leksikografii [Topical issues of lexicology and lexicography]. Perm: Perm Univ. Publ., 1972. P. 362–366.

Murzin L.N. O derivatsionnykh mekhanizmaxk tekstoobrazovanija [On derivational mechanisms of text formation]. Teoreticheskie aspekty derivatsii [Theoretical aspects of derivation]. Perm: Perm Univ. Publ., 1982. P. 20–29.

Murzin L.N. Osnovy derivatologii [The fundamentals of derivatology]. Perm, Perm Univ. Publ., 1984. 56 p.

Murzin L.N. Derivatsija v sinkhronnom i diakhronnom aspektakh [Derivation in synchronic and diachronic aspects]. Derivatsija i istorija jazyka [Derivation and history of language]. Perm: Perm Univ. Publ., 1987. P. 4–10.

Murzin L.N. Norma, rechevoy prijom i oshibka s dinamicheskoj tochki zrenija [Norm, speech device and mistake from the dynamic point of view]. Rechevyje prijomj i oshibki: tipologija, derivatsija i funkcionirovanie [Speech devices, and mistakes: typology, derivation and functioning]. Perm: Perm Univ. Publ., 1989. P. 5–13.

Murzin L.N. Psichologicheskoe napravlenie [Psychological aspect]. Lingvisticheskij entsiklopedicheskij slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sov. Entsiklopedija Publ., 1990. P. 405–406.

Murzin L.N. Glagol i yego maski [The verb and its masks]. Variativnye otnoshenija v jazyke i tekste [Variative relations in language and text]. Ekaterinburg: Ural Univ. Publ., 1993. P. 4–10.

Murzin L.N. O stepenjakh svobody jazyka [On the degrees of freedom of language]. Russkoe slovo v jazyke, tekste i kul'turnoj srede. Pamjati E.V. Kuznetsovoj [The Russian word in language, text and cultural medium. In memoriam of E.V. Kuznetsova]. Ekaterinburg: Ural Univ. Publ., 1997. P. 127–133.

Murzin L.N., Shtern A.S. Tekst i ego vosprijatie [Text and its perception]. Sverdlovsk: Ural Univ. Publ., 1991. 172 p.

Pochepstov G.G. Konstruktivnyj analiz struktury predlozhenija [The constructive analysis of a sentence]. Kiev: Vischa Shkola Publ., 1971. 191 p.

Potebnja A.A. Musl' i jazyk [Thought and language]. Moscow: Labirint Publ., 1999. 300 p.

Sakharnyj L.V. Kommunikativnaja nominatsija: oformlenie, osoznanie, tipologija [Communicative nomination: form, comprehension, typology]. Semantika i proizvodstvo jazykovykh edinit [Semantics and production of language units]. Perm: Perm Univ. Publ., 1979. P. 12–36.

Jurchenko V.S Prostoe predlozhenie v sovremen-
nom russkom jazyke: Dvusostavnoe imennoe, od-
nosostavnoe glagol'noe, odnosostavnoe glagol'noe
[Simple sentence in the Russian language: two ele-

ment nominal sentence, one element predicative sen-
tence, one element nominal sentence]. Saratov: Sara-
tov State Univ. Publ., 1972. 275 p.

DERIVATION THEORY
(on the 85th Anniversary of Professor Leonid N. Murzin)

Larissa M. Alekseeva

Doctor of Philological Sciences, Professor in the Department of Linguodidactics
Perm State University

Svetlana L. Mishlanova

Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Linguodidactics
Perm State University

The article is devoted to the main tenets of derivation theory, founded by professor of Perm State University Leonid N. Murzin (1930–1996). Derivation theory was worked out at Perm Linguistic School in the 1970s. This theory is aimed at the study of language from the dynamic point of view. The chief issues solved within the framework of derivation theory focus on the nature of language and speech activity. The major concept of the theory is derivation, considered as a mental process that results in the production of communicatively important units. We are intended to describe the conditions of derivation theory birth, analyse its main theses and characterize the periods of its development. The theory helps to explain the mechanism of language units production in the process of speech activity. Within its methodology, derivation theory combines two opposite approaches, statics and dynamics, by means of complementary principle.

Key words: derivatology; derivation; mechanism of language units production; dynamics; communication; types of communication; text formation.